

Глава 4

Юнь Усян принёс спящего Сун Илоу обратно в храм и с непривычной неловкостью уложил его на кровать.

Затем замер у постели, погрузившись в свои мысли.

Живой человек. Тёплый, способный двигаться, говорить, общаться.

Живой!

И что теперь? Что ему делать?

Юнь Усян опустил взгляд, и его блуждающие глаза остановились на безмятежном, чистом лице спящего.

Кожа Сун Илоу была безупречной, белой и нежной, что ещё больше подчёркивало пять маленьких родинок под глазами, похожих на жемчужины, рассыпанные по белоснежному тофу.

Юнь Усян некоторое время смотрел на эти родинки, а затем протянул палец и коснулся одной, потом другой, словно пересчитывая их.

Закончив, он едва заметно улыбнулся — простой, искренней улыбкой ребёнка, обрадовавшегося какой-то незначительной мелочи.

[— Хозяин...]

«Давно я не видел, чтобы хозяин так радовался».

В следующую секунду 3339, осознав, о чём только что подумала, словно получила удар молнии. Вся её система содрогнулась, будто её прожарило грозovým разрядом.

«Что за чушь мне в голову пришла? В какую роль дворецкого я вжилась? И почему именно дворецкого?!»

«Это же не роман про властного президента! А Сун Илоу — не главная героиня!»

Юнь Усян услышал, как Система позвала его, но, не дождавшись продолжения, сам обратился к ней:

[— Саньцзю?]

[— Я здесь, хозяин.]

[— Ты что-то хотела сказать?]

[— Ничего. Пойду постучусь к Мировому Сознанию. Постараюсь его разбудить.]

[— Получится?] — с беспокойством спросил Юнь Усян.

3339 неверно истолковала его тревогу и с боевым задором ответила:

[— Я буду очень стараться!]

[— Саньцзю, на самом деле, можно не слишком усердствовать,] — тихо добавил Юнь Усян.

[— М-м?] — 3339 на мгновение замешкалась, а затем поняла, что он имел в виду: [— Хозяин, ты хочешь его оставить?]

Юнь Усян убрал руку, которой касался родинок:

[— Я так давно не видел настоящего живого человека. Можно он останется ещё на несколько дней?]

Раз уж Сун Илоу так настойчиво просился в ученики и не спешил домой, значит, ничего срочного у него нет. Так почему бы ему не погостить на острове ещё немного? Всё равно он пока не может уйти.

Система замолчала, разрываясь между сочувствием к хозяину и пониманием, что это — системный сбой.

[— На самом деле, вероятность того, что я разбужу Мировое Сознание, очень мала.]

Юнь Усян уловил в её словах уступку и обрадовался:

[— Спасибо, Саньцзю.]

[— Но ты должен пообещать мне, что будешь держаться от этого типа подальше. Сохраняй благородную дистанцию,] — всё ещё беспокоилась 3339.

[— Хорошо.]

Юнь Усян согласился без колебаний, но тут же взял руку Сун Илоу и с любопытством начал её рассматривать:

[— Саньцзю, у него тёплые руки.]

[— ...]

«Ты вообще понял, что я сказала?»

[— О чём ты мне только что обещал?]

[— Он же ещё не очнулся, так что не узнает. Когда проснётся, я обязательно буду соблюдать необходимую дистанцию,] — с полной уверенностью заявил Юнь Усян.

3339 вздохнула, но её досада сменилась сочувствием.

Хозяин, очевидно, так и не оправился от той психологической травмы. Какой нормальный человек будет так удивляться тому, что у кого-то тёплые руки?

Потому что у трупов они всегда холодные!

Система, сама себя накрутив, преисполнилась к Юнь Усяну огромным состраданием.

«Ладно, что такого в одном человеке? Если хозяину нравится, пусть остаётся, поиграет. У него ведь нет никаких дурных мыслей, он просто изучает его, как редкий вид. Ничего страшного».

[— Система, смотри, у него ещё и татуировка. Это скорпион?] — чтобы лучше разглядеть рисунок, Юнь Усян слегка оттянул воротник одежды Сун Илоу.

Скорпион, выполненный в чёрно-красных тонах, выглядел воинственно и грозно. Голова его покоилась на ключице, а длинный хвост обвивал шею и уходил за ухо. Рисунок был настолько реалистичным, что казалось, будто на теле человека замер настоящий скорпион.

Юнь Усян с удивлением и любопытством коснулся татуировки. Ему показалось, или кожа под рисунком была немного горячее, чем вокруг?

3339, которая на мгновение застыла, увидев, как её хозяин начал раздевать другого человека, пришла в себя:

[— ...Да, это скорпион.]

«Спокойствие! Хозяин просто любопытствует, просто смотрит, ничего особенного».

«Но эта сцена так легко наводит на неправильные мысли...»

«Прекрати!»

«Не думай об этом».

«Не думать...»

3339 продолжала себя гипнотизировать, пока Юнь Усян, удовлетворив своё любопытство, не поправил одеяло на спальном, подоткнул края и не вышел из комнаты.

Дверь открылась и снова закрылась. Лежавший на кровати Сун Илоу открыл глаза. Сначала он окинул взглядом запертые двери и окна, затем изучил обстановку в комнате и, наконец, опустил голову, посмотрев на свой воротник, который сначала распахнули, а потом снова поправили.

Он поднял руку, и ему показалось, что на коже всё ещё осталось ощущение от прикосновения чужих пальцев.

То, как этот человек перебирал его пальцы, не имело ничего общего с проверкой пульса.

«У этого Бессмертного Белого Журавля... склонность к однополый любви?» — выражение лица Сун Илоу несколько раз сменилось, в его глазах мелькнула жажда убийства, но, подумав о чём-то, он медленно её подавил.

«Интересно, каким становится Бессмертный, когда влюбляется?»

В полумраке комнаты Сун Илоу смотрел на дверь, словно видел сквозь неё удаляющийся силуэт. На его алых губах появилась полная предвкушения улыбка.

На следующее утро

Сун Илоу вышел из своей комнаты. Перед ним раскинулось магнолиевое дерево, усыпанное бело-розовыми цветами. Ветер колыхал ветви, и лепестки, кружась, опали на волосы стоявшего под деревом человека, словно украшая их.

Издали прилетел журавль. Он дважды облетел двор и приземлился рядом с человеком. Человек и журавль, казалось, о чём-то беседовали.

Сун Илоу шагнул вперёд.

Огромная белая птица, услышав звук, повернула к нему свою длинную шею. Стоявший к нему спиной человек тоже обернулся.

В этот момент Сун Илоу показалось, что он видит двух журавлей: одного — изящного и одухотворённого, превосходящего обычных птиц, другого — уже достигшего совершенства и принявшего человеческий облик.

Во дворе были и другие животные: чайки, фазаны, дикие кролики, ежи, пятнистые олени... и все они были неестественно большими.

Когда Сун Илоу попытался подойти ближе, все животные, как по команде, подняли головы и уставились на него.

— Проснулся? — Юнь Усян раскрыл ладонь, и из дома вылетела маленькая чаша, опустившись ему в руку.

Чаша была пуста, но Юнь Усян зачерпнул из неё пригоршню чего-то невидимого, а когда снова раскрыл ладонь, на ней оказалось духовное зерно. Он разбросал его, и звери тут же сбежались, чтобы полакомиться.

«Новый день начался. Смотритель раздаёт корм животным», — мысленно прокомментировал Юнь Усян.

Сун Илоу прошёл через двор, полный животных, и подошёл к Юнь Усяну.

— Бессмертный, как я вчера заснул?

«Потому что вы с Системой говорили одновременно, и я ничего не мог разобрать».

— Ты устал, — небрежно бросил Юнь Усян.

Сун Илоу на мгновение замолчал.

— Не кажется ли вам, Бессмертный, что это слишком простое объяснение?

Юнь Усян нашёл другую причину:

— Ты слишком шумел.

— А кто виноват, что Бессмертный не отвечал на мои вопросы?

— Бессмертный, вы всё-таки возьмёте меня в ученики? Вы не пожалеете.

Говоря это, Сун Илоу наклонился вперёд, приблизившись к Юнь Усяну. Его лицо выражало невинность, и он даже чем-то напоминал кролика, который, склонив голову, смотрел на него снизу вверх. Он выглядел как наивный и простодушный юноша, но в его словах сквозил скрытый намёк, а если говорить прямо — соблазн.

— Учитель.

Каждое слово, произнесённое его голосом с характерной хрипотцой, звучало так, словно он нежно шептал имя возлюбленного.

От этого «учителя» Система просто взорвалась.

[— Не брать учеников! Не брать учеников! Ни в коем случае не брать учеников!]

У Юнь Усяна зазвенело в ушах, и он поспешил успокоить её:

[— Хорошо, хорошо, не возьму. Ни за что не возьму его в ученики.]

Успокоив Систему, он снова отказал Сун Илоу:

— Я не беру учеников. Не называй меня учителем.

— Это храм Цинди. Можешь называть меня настоятелем.

Сун Илоу прищурился:

— Если настоятель не собирался брать меня в ученики, зачем вчера спрашивал о моей семье?

— Ты вторгся на мой остров. Пока я не выясню, как ты сюда попал, ты не сможешь его покинуть. Если у тебя есть родные, я помогу передать им весточку, чтобы они не волновались.

«Система запретила ему рассказывать о Мировом Сознании, так что барьер пришлось выдать за свой. Быть запертым и при этом прикрывать того, кто тебя запер... хотя, Мировое Сознание — не человек. Прикрывать не-человека было уже слишком».

Сун Илоу моргнул:

— Настоятель хочет силой удержать меня на острове?

— Это ненадолго, — ответил Юнь Усян.

«Это не я тебя удерживаю, а ты сам прошёл через барьер».

Сун Илоу помолчал немного, а затем снова спросил:

— И что? Какое это имеет отношение к тому, что вы не хотите брать меня в ученики? Я уже здесь, и вы не даёте мне уйти. Так почему бы нам не стать учителем и учеником?

«...Почему ты всё не унимаешься?»

Юнь Усяну пришлось на ходу придумывать причину:

— Мой путь... обычным людям его не постичь.

«Изучишь его — и тебя тоже запрут на острове. Чем выше уровень совершенствования, тем меньше шансов выбраться».

— Обычным людям не постичь? — Сун Илоу тихо рассмеялся. — Вы хотите сказать, что мои способности слишком заурядны и недостойны вашего внимания?

Откуда Юнь Усяну было знать, заурядны его способности или нет? Он лишь уклончиво ответил:

— Просто у нас нет судьбы.

— Вот как. Значит, это я слишком настойчив, — Сун Илоу опустил голову, словно расстроившись. Но под прикрытием волос и ресниц его глаза потемнели.

«Способности? Ха».

<http://bllate.org/book/15974/1441528>